

ОН ПРЕДЪЯВИЛ УЛЬТИМАТУМ ЕЖОВУ И СТАЛИНУ- НЁМАН, 2019.№ 3.С.116-126

Белорусская земля дала миру не только известных учёных, писателей, художников, композиторов, государственных деятелей, но и талантливых разведчиков, бойцов “невидимого фронта”. Это Пётр Ивашутин и Наум Эйтингон, Яков Серебрянский и Кирилл Орловский, Юрий Дроздов и Иван Дедюля, Михаил Мукасей и Алексей Ботян. Особое место в этой когорте занимает генерал Александр Орлов. Он с 1924 года неоднократно встречался со Сталиным, который лично в 1936-году – накануне командировки в Испанию присвоил ему псевдоним “Орлов”.

Его настоящие имя и фамилия - Лейба Лазаревич Фельдбин. Кроме этого, в разные годы своей деятельности Орлов имел такие имена и фамилии: “Лев Лазаревич Никольский!”, “Лев Леонидович Николаев”, “Фельдель”/»L.Feldel», “Уильям Голдин”/»William Goldin», «Швед», «Игорь К.Берг»/»Igor K. Berg», «Левон»/»Levon».

Он родился в городе Бобруйске 21 августа 1895 года в семье Лазаря и Анны Фельдбиных. Как видно из досье А.Орлова, хранящегося в ФБР, у него была сестра, которая стала впоследствии зубным врачом в Москве и умерла в 1918 году. Их отец родился в многодетной семье евреев-ашкенази, переселившейся из Австрии в лесную глубинку белорусских земель Российской империи в конце XVIII века . незадолго до злополучного нашествия войск Наполеона в 1812 году.

Дед Льва Фельдбина по отцовской линии создал процветающее лесопромышленное предприятие, стал одним из столпов бобруйской синагоги и одним из её главных благодетелей. А отец Льва - Лазарь Фельдбин занимался лесоторговлей и смог дать сыну хорошее образование. В 1915 году в связи с военными действиями на территории Беларуси семья Фельдбиных переехала в Москву.

Школьные успехи и способность к рисованию помогли Льву поступить в Лазаревский институт восточных языков, который готовил своих выпускников к дипломатической и консульской службе, и одновременно на юридический факультет Московского университета.

В 1916 году он был мобилизован в армию и служил рядовым 104-го пехотного полка на Урале. В 1917 году Фельдбин был переведен в студенческий батальон в Царицыне, а затем успешно прошёл курс обучения в школе прапорщиков.

С ноября 1917-го до середины 1918 года Фельдбин возглавлял информационную службу Верховного финансового совета (по другим данным, он занимал должность заместителя заведующего справочным бюро Высшего финансового совета –Э.И.).

В 1919 году Лев Фельдбин вступил в Красную Армию и был зачислен в Особый отдел 12-й армии. Он был следователем, уполномоченным по борьбе с контрреволюцией, старшим следователем Особого отдела 12-й

армии, участвовал в ликвидации контрреволюционных организаций в Киеве.

Советско-польская война 1919-1920-го годов принесла Льву Фельдбину быстрое продвижение по служебной лестнице. Вскоре он стал руководителем диверсионных операций в 12-й армии Юго-Западного фронта, лично возглавлял операции на оккупированной польскими войсками территории и служил примером для красноармейцев, которыми командовал. Здесь он бы замечен особоуполномоченным Особого отдела ВЧК Артуром Артузовым и переведен в Москву, а затем в Архангельск.

В мае 1920 года Фельдбин стал членом РКП(б), а в декабре 1920-го – июля 1921 года он был начальником Агентурно-следственного отдела Особого отдела ВЧК по охране северных границ, заместителем начальника Секретно-оперативной части того же отдела, начальником Следственно-розыскной части и заместителем заведующего Секретно-оперативной части Архангельской губернской ЧК. Одновременно Лев Фельдбин был особоуполномоченным по фильтрации белых офицеров Архангельской ЧК.

Поскольку он стал оперативным работником, то в целях конспирации поменял фамилию и стал Никольским Львом Лазаревичем.

Уже в июле 1921 года он возвратился в Москву в связи с назначением на должность следователя Верховного трибунала при ЦИК РСФСР, а затем при ВЦИК. С января 1923 года Никольский становится помощником прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда СССР. В Верховном трибунале он работает под руководством видного юриста и государственного деятеля Николая Крыленко, принимает участие в составлении первого Уголовного кодекса, введённого в Советском Союзе.

В 1924 году после трёхлетнего обучения в Школе правоведения при МГУ и получения диплома юриста Никольский был направлен в ОГПУ: начальником 6-го отделения (май 1924-1925), начальником 7-го отделения и помощником начальника Экономического управления ОГПУ.

В фондах секретных архивов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки отмечается, что в 1925-1926 годах А.М.Орлов был начальником пограничной охраны гарнизона Сухуми.

В связи с этим авторы книги “Роковые иллюзии” отмечают:

“В конце 1925 года Орлов уехал из Москвы в Закавказье. Это срочное назначение было вызвано тем, что его контрразведывательный опыт потребовался командованию пограничных войск ОГПУ в Закавказье. Там он был обязан обеспечить надёжную охрану границы от любых внешних вторжений, которые помешали бы советским операциям по подавлению разрастающихся волнений среди населения Абхазии. Назначение благословил сам Иосиф Сталин.

Разместив свой штаб в городе Сухуми, Орлов как бригадный командир получил под своё командование шесть полков. Но его войска численностью 11 000 человек были рассредоточены на слишком большой территории. Обеспечивать охрану по всей протяжённости южных границ

Советского Союза с Персией и Турцией было непростой задачей, поскольку гористая местность была в течение многих веков прибежищем бандитов и мятежников. На этом трудном посту Орлов продемонстрировал свои незаурядные организаторские способности, добиваясь максимальных результатов при наличии минимальных средств. Борьба с мятежниками требовала работы в тесном сотрудничестве с начальником регионального ОГПУ Лаврентием Берией, членом сталинской “Грузинской мафии”, которого Сталин впоследствии продвинул на должность начальника НКВД (точнее, Наркома внутренних дел СССР – Э.И.)” (Царев О. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа /О.Царев, Дж. Костелло//М., 2011. С.36-37)

Летом 1926 года Орлов получил первое назначение на работу за границей. Резидент в Париже, он работал под именем Льва Николаева и под прикрытием должности сотрудника советского торгпредства во Франции.

В январе 1928 года Александра Орлова направили в Берлин в качестве сотрудника резидентуры Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ СССР под именем Л.Фельделя и под прикрытием должности торгового советника полпредства СССР, которое являлось тогда главной европейской базой растущего аппарата советской внешней разведки.

В 1929 году его главным подчинённым в тайных операциях по закупке военных материалов был Павел Аллилуев, назначение которого на эту должность было санкционировано наркомом обороны СССР Климентом Ворошиловым. Мало кто тогда знал, что это был брат второй жены Сталина - Надежды Аллилуевой.

Решение Сталина направить своего шурина на работу под началом Орлова свидетельствовало о том, что он придавал большое значение тайному сотрудничеству, которое открывало советским вооружённым силам доступ к германской технологии производства вооружений.

В 1930 году А.Орлов был отозван в СССР и назначен начальником 7 го отдела ИНО ОГПУ.

В сентябре 1932 года с документами на имя Льва Леонидовича Николаева и под прикрытием должности представителя треста «Льноэкспорт» он прибыл немецким «Europa» в Нью-Йорк. Под этим же именем Орлов записался слушателем годового курса английского языка в колумбийском университете. Во время пребывания в США он сумел приобрести подлинный американский паспорт на имя William Goldin. 30 ноября 1932 года Орлов выехал из Нью-Йорка на лайнере «Bremen»/

Весной 1933 года с документами на имя У.Голдина он был командирован в Париж, где возглавил нелегальную группу «Экспресс», которой была поручена агентурная разработка 2-го бюро (военная разведка) Генерального штаба Франции. В рамках этой миссии в декабре 1933 года Орлов выезжал в Рим. Весной 1934 года он был опознан в Париже бывшим сотрудником торгпредства СССР и в мае 1934 года отозван в Москву.

В июле 1934 года-октябре 1935 года Александр Орлов являлся резидентом-нелегалом в Лондоне, где работал под прикрытием должности представителя «American Refrigerator Compani», кодового имени «Швед» и документов на имя У.Голдина. Он контролировал деятельность завербованного агентом А.Дейчем «Ланг») Кима Филби («Сынок»).

В 1935 году ему было присвоено звание майора госбезопасности, приравненное в 1945 году к рангу полковника..

С октября 1935 года по сентябрь 1936 года Орлов формально служил заместителем начальника Транспортного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, но фактически он работал в ИНО НКВД СССР, где курировал деятельность впоследствии всемирно известной “кембриджской группы”(“Кембриджской пятёрки”) во главе с Кимом Филби (Филби, Маклин, Берджес, Кэрнкрос, Блант) .

Через три дня после того, как Испания превратилась в арену европейской борьбы между силами фашизма и левых, 20 июля 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило кандидатуру Орлова для направления в Испанию. По его собственным словам, сам нарком внутренних дел СССР Ягода представил кандидатуру Орлова Сталину на утверждение, после того, как она была одобрена НКВД.

Сентябрь 1936 года ознаменовался пиком карьеры Александра Орлова. Именно в это время он был командирован в качестве резидента и главного советника по внутренней безопасности и контрразведки в Мадрид. Орлов работал под прикрытием должности атташе полпредства по политическим вопросам. По словам Орлова, выбор для назначения на этот пост остановился на нём по той причине, что из всех офицеров НКВД он один, как считалось, обладал требуемым опытом в партизанской войне, контрразведке и зарубежных операциях.

То, что Сталин приказал НКВД направить туда одного из ведущих мастеров разведки, составляло лишь один из элементов быстрого расширения советского военного и дипломатического присутствия в Испании. Орлову поручались ответственнейшие секретные задания, одним из которых была успешная доставка золота Испанской республики в Москву.

Во время службы в Испании, точнее осенью 1936 года на Орлова была возложена обязанность организовать отправку на хранение в СССР испанского золота.

В сейфах испанского банка хранился четвёртый по величине золотой запас в мире – золотые слитки на сумму 2 367 000 000 песет, или около 783 миллионов долларов. В августе 1936 года 155 миллионов долларов из этого огромного золотого запаса были переправлены во Францию, чтобы кредитовать поставки истребителей и танков.

В тот момент, когда военное счастье отвернулось от республиканцев после падения Толедо, в конце второй недели октября 1936 года, премьер-министр Ларго Кабальеро и министр финансов д-р Хуан Негрин

предложили отдать Советскому Союзу на хранение испанские золотые запасы. Сталин ухватился за представившийся случай получить полмиллиарда долларов под стоимость оружия и услуг советников. Он возложил на наркома НКВД Ежова общую ответственность за доставку золота в Москву. Ежов послал Орлову тайный приказ принять необходимые меры.

В зашифрованной телеграмме Ежова от 20 октября 1936 года говорилось:

«Передаю вам личный приказ «Хозяина» (так между собой называла Сталина правящая элита СССР—Э.И.)...Вместе с послом Розенбергом договоритесь с главой испанского правительства Кабальеро об отправке золотых запасов в Советский Союз. Используйте для этой цели советский пароход. Операция должна проводиться в обстановке абсолютной секретности. Если испанцы по требуют расписку в получении груза, откажитесь это делать. Повторяю: откажитесь подписывать что –либо и скажите, что формальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком. Назначаю вас лично ответственным за эту операцию. Розенберг проинформирован соответственно» (Царев О. Роковые иллюзии /О.Царев, Дж.Костелло.М., 2011.С.292-293.

Послание было подписано «Иван Васильевич». Так Сталин подписывал самые секретные послания. Орлов прекрасно понимал, что означала эта телеграмма: он отвечал головой в случае неудачи.

Когда Александр Михайлович добрался до пещеры, где было спрятано золото. Он увидел, что пещера забита тысячами деревянных ящичков одинакового размера и тысячами мешков, уложенных друг на друга. В ящичках находилось золото, а в мешках были серебряные монеты. Шестдесят моряков-подводников ожидали там наготове. Это было сокровище Испании, накопленное испанской нацией на века!

Основная часть золотого запаса Испании была тайно перевезена в порт Картахена в 7900 ящичках. Даже главному военно-морскому советнику - будущему Наркому военно-морского флота СССР Н.Г.Кузнецову, руководившему отправкой, сообщили, что это никель для танковой промышленности.

На завершение всей операции потребовалось три ночи, поскольку перевозить золотые слитки днём было невозможно из-за постоянных воздушных налётов.

Каждый ящик весил 145 фунтов и содержал огромную сумму в золотых слитках, золотых песетах, французских луидорах и английских соверенах. На рассвете третьего дня число ящичков. По подсчётам Орлова (7900 ящичков), оказалось на 100 больше, чем по официальным данным испанцев. Он решил на этом этапе не ставить под сомнение правильность подсчётов испанского министра финансов, опасаясь, что если счёт начальника испанского казначейства Мендеса-Аспе окажется правильным, то Сталин обвинит его в присвоении двух грузовиков золотых слитков.

После отбытия из Картахены четырёх окрашенных в серый цвет грузовых судов Орлов сообщил в Москву об отправке судов двумя отдельными шифротелеграммами: в первой он предупреждал штаб-квартиру НКВД о том, что он будет употреблять слово «металл» вместо слова «золото».

Суда без происшествий прибыли в Одессу 6 ноября 1936 года. Чтобы соблюсти строгую секретность, разгрузка производилась ночью, а затем груз был отправлен далее на спецпоезде под охраной 1000 вооружённых командиров. Заместитель наркома НКВД Украины лично сопровождал поезд, чтобы отрапортовать об успешном завершении миссии Ежову.

Общая стоимость золота тогда оценивалась в 518 миллионов долларов – огромная сумма в те времена. Золота этого в значительной степени хватило на покрытие расходов для помощи Испанской республике. На содержание испанской эмиграции в СССР, в том числе, испанских детей. Часть этих средств была использована для финансирования разведывательных операций НКВД СССР.

Когда в 1953 году Орлов рассказал в своей книге об операции с испанским золотом, правительство Испании потребовало возмещения. В 1960-х годах Испания получила частичную компенсацию путём поставки в эту страну нефтепродуктов по клиринговым ценам.

За эту дерзкую операцию А.М.Орлов был повышен в звании и награждён высшим орденом СССР. Газета «Правда» в 1937 году сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания (Судоплатов П.А.. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы./П.А.Судоплатов //М,1997. С.75).

В то время это звание офицера НКВД приравнивалось к «комдиву» Красной Армии. По нынешней табели о рангах звание А.М.Орлова было бы равно генерал-майору.

С декабря 1936 года Орлов принимал непосредственное участие в организации контрразведывательной службы республиканцев СИМ. Руководимый им аппарат провёл значительную работу по разоблачению франкистской агентуры и подготовке партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В 6 созданных при его участии диверсионных школах прошли обучение более 1000 человек.

В конце 1937 года Орлов, втайне от испанских властей организовал нелегальную разведшколу под условным названием “Строительство”. Кандидаты на обучение тщательно отбирались из бойцов интернациональных бригад. Многие выпускники этой школы были признаны слишком ценными, чтобы воевать в Испании. Их вывозили через Францию и Западную Европу и с заданиями направляли в различные страны мира.

В этой школе учился будущий Герой Советского Союза Кирилл Орловский, будущий разведчик-нелегал, один из организаторов убийства

Троцкого - Иосиф Григулевич. В апреле 1938 года Орлов завербовал бойца интербригады из США – будущего связного легендарных разведчиков Рудольфа Абея – Конона Молодого, будущего Героя России Морриса Коэна.

9 июля 1938 года А.М.Орлов шифротелеграммой № 1743 из Московского центра, адресованной “Шведу” (один из псевдонимов Орлова-Э.И.), был вызван для “совещания” с представителем Иностранного отдела НКВД СССР С. Шпигельгласом на борту советского парохода “Свирь” в порту бельгийского города Антверпена. Заподозрив ловушку, он вместе со своей семьёй, прихватив 60 тысяч долларов, бежал через Францию и Канаду в Соединённые Штаты Америки.-

С помощью своего родственника Н.Курника Орлов передал через советское полпредство в Париже письма Сталину и Ежову, в которых своё бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна и обещал не разглашать имеющуюся у него информацию о структурах и работе ИНО за рубежом в том случае, если его и его семью не будут разыскивать, а его мать в ССР не будет арестована. Это был своеобразный ультиматум наркому НКВД Н.И.Ежову и “вождю народов” И.В.Сталину.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещённые им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение Советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная Советским Союзом в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной. Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и если его условия будут приняты, он не раскроет зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые ему известны.

В письме Ежову были такие строки
“Николаю Ивановичу Ежову.

Я хочу объяснить Вам в этом письме, как могло случиться, чтобы я, - после 19 лет безупречной службы Партии и Советской власти, после тяжёлых лет подполья. После моей активной и полной самопожертвования борьбы последних 2-х лет в условиях ожесточённой войны. после того как Партия и правительство наградило меня за боевую работу орденами Ленина и Кр. знамени, - ушёл от Вас...

Я перед собой ставил вопрос: имею ли я право, как партиец, даже перед угрозой неминуемой смерти отказаться от поездки домой. Товарищи, работавшие со мной, хорошо знают, что я неоднократно рисковал жизнью. Когда это требовалось для дела, для партии.

Я систематически находился под ожесточёнными бомбардировками. Вместе с морским атташе я в течение 2-х недель под бомбами фашистской авиации разгружал пароходы с боеприпасами (хотя это не входило в мою обязанность.) Я неоднократно жертвовал своей жизнью при выполнении известных вам боевых заданий. На расстоянии трёх шагов в меня стрелял известный вам белогвардеец, как в ненавистного большевика. Когда в результате автомобильного крушения у меня был сломан позвоночный столб (2 позвонка). Я, будучи наглухо залит гипсом, вопреки запрету врачей не бросил работы, а систематически разъезжал по фронтам и городам, куда меня звали интересы борьбы с врагом...

Никогда партия не требовала от своих членов бессмысленной смерти, к тому же ещё в угоду преступным карьеристам.

Но даже не это, не угроза незаконной и несправедливой расправы остановила меня от поездки на пароход...Сознание, что после расстрела меня, ссылки или расстрела моей жены, моя 14-летняя больная девочка окажется на улице, преследуемая детьми и взрослыми как дочь "врага народа". как дочь отца, которым она гордилась, как честным коммунистом и борцом, - выше моих сил.

Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделал последний. Даже никому не нужный жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что мой больной ребёнок обречён на такие жуткие муки и терзания. – выше моих сил...

Вот вкратце причины, заставившие меня. Человека, преданного партии и СССР, не идти в заготовленную мне карьеристом и преступником Дугласом (С.М.Шпигельгласом – Э.И.) ловушку на пароходе. Я хочу, чтобы вы по-человечески поняли всю глубину переживаемой мною трагедии преданного партийца. И честного гражданина, лишённого своей родины.

Моя цель – довести своего ребёнка до совершеннолетия. Помните всегда, что я не изменник партии и своей стране. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Сов. Власти. Я не хотел уйти из н/ страны, как не хочет рыба уйти из воды. Но преступные деяния преступных людей выбросили меня, как рыбу на лёд... По опыту других дел знаю, что ваш аппарат бросил все свои силы на моё физическое уничтожение. Остановите своих людей! достаточно, что они ввергли меня в глубочайшее несчастье, лишив меня завоёванного моей долголетней и самоотверженной работой права жить и дышать одним воздухом с советским народом.

Если Вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против партии и н/страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

ШВЕД.

Пр.Вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чём не повинна. Я последний из 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо» (Прохоров Д. Перебежчики. Заочно расстреляны/Д.П.Прохоров, О.И.Лемехов//М., 2001.С.98-102) .

Ярость Ежова и его заместителя Берии, когда они прочитали письмо, была тем более неистовой, что между его строк они разглядели подразумевающуюся в нём угрозу шантажа. «П. означало «Пётр», псевдоним С.М. Глинского. друга Орлова, который был некогда резидентом НКВД, известным как В.В.Смирнов. М. означало «Мани». Псевдоним Теодора Малли. Оба они в 1938 году были отозваны и обвинены в предательстве по приказу Ежова. Упоминание псевдонимов двух членов кембриджской группы – «Вайзе»(Маклейна и «Зенхена (Филби) – было для Москвы сигналом, оповещающим, что если он будет схвачен «эскадронам смерти НКВД», это повлечёт страшные последствия для агентурной сети, которую Орлов создал своими руками. Он понимал, что называя имя «Тюльпана» (псевдоним Марка Зборовского), агента НКВД, который внедрился в окружение сына Троцкого – Льва Седова, он привлечёт внимание наркома НКВД. Поскольку Троцкий (псевдоним которого был «Старик») и его сын (которого, как и Филби, обозначали псевдонимом «Сынок» или «Зенхен») очень доверяли Зборовскому, НКВД планировал использовать его для того, чтобы «помочь убийце проникнуть в домашний круг Троцкого в Мексике. Ссылка на «Тюльпана» в письме Орлова была рассчитана на увеличение угрозы шантажа Орловым, поскольку ему было известно, сколь сильно желали Сталин и Ежов свести счёты с Троцким.

Нельзя не согласиться с о следующим мнением исследователей жизни и деятельности А.М.Орлова Олега Царева и Джона Костелло:

«Эти агенты (речь идёт о «Кембриджской пятёрке» -Э.И.) представляли собой «бриллианты из сокровищницы» советских разведывательных сетей. И не требуется много ума, столь патологически настроенного на подозрительность, как у «Карлика» (Н.И.Ежова) -Э.И.) и его «Большого Хозяина»(И.В.Сталина -Э.И.), чтобы понять, что такой опытный офицер разведки как Орлов. должен был из предосторожности сохранить копию на хранение в банковский сейф и дал инструкции своему адвокату вскрыть его в случае его исчезновения или внезапной смерти. Этот список (секретных операций НКВД -Э.И.) был напоминанием Орлова Ежову и предположительно Сталину. Которому его покажут, о том, что предпринимая против него репрессивные действия, они рисковали не менее, чем разоблачением самых важных зарубежных агентурных сетей советской разведки. В то же время он содержал указание на то, что Орлов

обещал держать свой рот на замке в обмен на гарантию. Что не будет причинено никакого вреда его родственникам в России и что НКВД прекратит охоту за ним и его семьёй.

Это был договор, продуманный с дьявольской изобретательностью, и он не оставлял советскому диктатору и его приспешникам никакого иного выбора в сложившихся обстоятельствах, кроме как согласиться на условия Орлова и поверить, что он выполнит свою часть сделки. Архивные документы ясно показывают, что когда письмо Орлова добралось до Москвы в середине августа, в Центре уже был составлен словесный портрет беглеца для организации глобальной охоты за ним. Однако этой операции так никогда и не был сигнал к старту. Она была отменена по указанию «сверху» (Царев О. Роковые иллюзии. С.358-359)

В архивах НКВД СССР есть документальное подтверждение того, насколько быстро Ежов и предположительно Сталин поддались на шантаж Орлова.

Через шесть месяцев после своего ареста в ноябре 1938 года С.М.Шпигельглас в очень подробном признании, находящемся в его досье, сообщил:

“Когда Никольский Орлов) стал невозвращенцем, он написал письмо Ежову, в котором заявил, что. Если только заметит малейший намёк на слежку за собой, он раскроет компрометирующие документы. После этого Ежов дал указание не трогать Никольского”

По свидетельству генерал-лейтенанта НКВД П.А.Судоплатова, поиски Орлова по распоряжению Л.П.Берии в ноябре 1938 года были прекращены.

(Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль...С.78)

Ставки в опасной игре, которую вёл Орлов, были высоки, и, по-видимому, Ежову и Сталину было ясно, что это не было пустой угрозой. Предполагалось, что “кембриджская” сеть в Великобритании и берлинская сеть в Германии будут приобретать всё большее значение. А поэтому у Сталина тем более была причина выполнять свою часть условий сделки.

В 1952 году Орлов опубликовал в журнале “Лайф” серию статей, составивших впоследствии книгу “Тайная история сталинских преступлений”(Orlov A, The Sekret History of Stalin's Crimes. – New York, 1953). Эта книга была переведена на многие языки, том числе на русский (1983). В 1963 году вышла книга Орлова “A Handbook of Intelligence and Gutrilla Warfare”(«Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны»). Ann Arbor.(Мичиган)M1, 1963

После своего побега из Испании и разрыва с Иностранным отделом НКВД СССР А.М.Орлов 13 августа 1938 года въехал в США из Канады с советским дипломатическим паспортом на имя А.М.Орлова. Впоследствии он 14 лет жил в Нью-Йорке и Филадельфи и по имени Игоря К.Берга, а затем в 1962-1973 годах в Энн-Арбор (Мичиган) и Кливленде (Огайо) под именем «А.М.Орлов».. Александр Михайлович преподавал курс советского

государственного права на юридическом факультете Мичиганского университета.

Появление статей Орлова повергло в шок директора ФБР Гувера, только из них узнавшего, что в его стране на протяжении 14 лет проживал генерал НКВД СССР. Он приказал провести доскональное расследование деятельности Орлова. В результате многолетних допросов в ФБР и на специальных слушаниях сенатской подкомиссии по национальной безопасности американские власти остались в уверенности, что Орлов рассказал всё, что ему было известно о деятельности советской разведки. Выпущенная сенатской комиссией в 1973 году книга «Наследие Александра Орлова» открывалась его биографией, написанной сенатором Истлендом, председательствовавшим на слушаниях 1955 года. Эта биография, проникнутая глубоким уважением к Орлову, написана в тёплых, местах даже в патетических тонах.

В 1950-1960-х годах расследования «дела Орлова» были проведены и в КГБ. Их результатом был вывод о том, что Орлов не выдал никого из закордонной агентуры и не сообщил об операциях, проводившихся с его участием.

Ещё в декабре 1955 года начальник Следственного управления КГБ сделал такой вывод: «У нас нет оснований для возбуждения судебного дела против Орлова».

В ходе многочисленных допросов и бесед с представителями ФБР, ЦРУ и других специальных служб в послевоенные годы Орлов не назвал ни одного из советских разведчиков и агентов, работавших на Западе, кроме тех, кто уже был известен им в связи со своим провалом.

В 1967 году сотрудники вашингтонской резидентуры КГБ установили местонахождение Орлова в США. Резидент Борис Соломатин и его заместитель по линии ПР Олег Калугин послали в Москву шифротелеграмму, в которой предлагали организовать встречу с Орловым и попытаться склонить его к возвращению в СССР. Из Центра пришло согласие. И 14 ноября 1969 года оперативный сотрудник КГБ Михаил Александрович Феоктистов встретился с Орловым на его квартире и передал ему письмо от его друга Прокопюка, с которым Орлов работал в Барселоне

Второй раз в августе 1971 года Орлов тайно встречался в Энн-Арбор и Кливленде с посланцем КГБ М.А.Феоктистовым («Георг»), работавшим в США под прикрытием должности сотрудника миссии СССР при ООН. Он сообщил, что в СССР не считают Орлова предателем, а, напротив, высоко оценивают его деятельность 30-х годов по вербовке за рубежом лиц с коммунистическими убеждениями. На переданное Феоктистовым приглашение вернуться в СССР Орлов ответил, что он сохранил верность своим коммунистическим убеждениям, но возвращаться в СССР не хочет, поскольку советское государство управляется бывшими клеветами Сталина и более молодым поколением партаппаратчиков,

игравших вспомогательную роль в преступлениях, благодаря которым была предана революция.

В то же время Орлов передал Феоктистову данные, имевшие экономическое значение, а также список работников ФБР и ЦРУ, которые, по его наблюдениям, могут пойти на сотрудничество с советской разведкой.

Через месяц после этой встречи из Москвы поступил приказ оставить Орлова в покое. По словам Калугина, приказ исходил от из Политбюро ЦК КПСС, от секретаря ЦК КПСС (фактически, второго секретаря ЦК –Э.И), которого называли «серым кардиналом». В результате контакты с Орловым прекратились, но и смертный приговор, вынесенный ему сразу после побега, но приостановленный Ежовым, Берией и Сталиным, так и не был приведен в исполнение.

16 ноября 1971 года от сердечного приступа умерла его жена Мария Владиславовна Рожнецкая. Тяжело переживая её смерть, Орлов продолжал работать над мемуарами. В марте 1973 года он был отправлен в госпиталь с серьёзной болезнью сердца и умер 8 (7) апреля 1973 года в возрасте семидесяти семи лет.

После внезапной смерти Орлова федеральный судья опечатал и отправил в архив все его документы, в том числе и рукопись воспоминаний. С указанием не предавать их гласности до 1999 года.

По факту его смерти ФБР проводилось расследование, результаты которого не обнародованы до настоящего времени. Воспоминания Орлова, обнаруженные родственниками после его смерти, были частично опубликованы в 1999 году в США. Но на русский язык их до сих пор не перевели. По мнению ряда исследователей, опубликованные фрагменты текста «сильно «отредактированы».

Многих читателей журнала «Нёман» интересуют ответы на вопросы:

“В чём состоят заслуги Александра Орлова? Каковы его человеческие качества? Предатель он или герой? Как оценивать его деятельность и поведение в США на протяжении почти 35 лет?»

Сразу скажем, что оценки эти неоднозначные.

Один из руководителей органов государственной безопасности СССР генерал-лейтенант П.А.Судоплатов вспоминал:

“Я встречался с ним и на Западе, и в Центре. Но мимоходом. Тем не менее считаю важным остановиться на этой фигуре подробнее, так как именно его разоблачения в 50-х и 60-х годах в значительной мере способствовали пониманию характера репрессий 37-го года в Советском Союзе.. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ. Был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в Союз.

Вдобавок Орлов был ещё и талантливым журналистом. Он не был в Москве, когда шли аресты и расправы 1934-1937 годов, но его книжная версия этих событий была принята публикой как истинная....

Орлов отлично владел английским и немецкими языками. Он весьма успешно играл на немецком рынке ценных бумаг. Им написан толковый учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев. Раиса Соболев, ближайшая подруга моей жены, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, в 20-х годах работала в экономическом отделе ГПУ под его началом и необычайно высоко его ценила. Из числа своих осведомителей Орлову удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов....В 1934-1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне. Ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой Филби, Маклейн (Маклин), Берджес, Кэрнкросс, Блант и др.

В августе 1936 года он был послан в Испанию после трагического любовного романа с молодой сотрудницей НКВД Галиной Войтовой. Она застрелилась прямо перед зданием Лубянки, после того, как Орлов покинул её, отказавшись развестись со своей женой...

Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину” (Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль...М., 1997. С.с.74-77).

В 1998 году в Москве вышла в свет книга полковника советской разведки и известного писателя Михаила Любимова (отца одного из создателей телевизионной передачи “Взгляд”) “Шпионы, которых я люблю и ненавижу”. Один из очерков этого издания носит название “Генерал Александр Орлов – герой или предатель?”. В нём есть такие строки:

“Кем же был этот незаурядный человек? Предателем или героем?

Предателем, ибо нарушил присягу, кое-что выдал о формах и методах работы, с пятидесятих годов сотрудничал с ФБР и ЦРУ, скрылся, прихватив из кассы резидентуры изрядную сумму. Да ещё шантажировал! А что, если бы по какой-то случайности весь этот список попал в руки врага? Советская разведка не имела бы никаких позиций ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции, ни до, ни после войны!

Героем и звездой советской разведки, ибо честно работал на свою страну, никого конкретно не выдал, остался большевиком-ленинцем до конца и выступал против злодея Сталина!

М-да, выступать то выступал, но уже после смерти тирана...

А вот сталински м наймитом побывал и ни в чём не повинных поумовцев в Испании (да и многих других) истребил безжалостной рукой...

Эффективный был работник, смелый, решительный –это факт. Но героем... Всё таки герои идут на жертвы ради других. Орлов же грёб под себя...

Нельзя мерить грешного homo sahiens меркой Христа.

Сын партии, славивший Сталина, убийца, верный муж и нежный отец, ас разведки, опиравшийся тогда на мощный Коминтерн, карьерист, эгоцентрик, авантюрист, хитрец, умевший постоять за себя, - такие таланты существовали во все времена, при самых разных режимах, идеология для них была лишь соусом...

Орлов был человеком со всеми его достоинствами и слабостями, жизнь ему досталась нелёгкая...»(Любимов М.П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу.М., 1998. С.210-211.)

Ветеран внешней разведки СССР генерал-лейтенант В.Павлов отмечает:

“Следует отметить, что, возглавляя в Испании резидентуру, а по существу – представительство НКВД, А.М.Орлов успешно справлялся с возложенной на него обязанностью. В изменчивой политической и оперативной обстановке советским разведчикам приходилось решать массу проблем, и, главное, нужно было приобретать источники необходимой разведывательной и контрразведывательной информации.

И А.М.Орлов со своим заместителем Н.М.Белкиным хорошо справлялся с этой сложной задачей...

К чести Орлова следует отметить, что он не только успевал выполнять свои представительские обязанности, но и уделял много внимания перспективным интересам внешней разведки, подбирая и готовя молодых разведчиков....

Конечно. объективно побег А.М.Орлова, хотя он не выдал ни одного известного ему ценного агента, нанёс серьёзный ущерб внешней разведке. После его исчезновения пришлось отозвать ряд разведчиков-нелегалов, законсервировать агентов, принять меры безопасности в дальнейшей работе...

По решению руководства КГБ СССР все претензии к А.М.Орлову были сняты и юридически закреплено отсутствие в его деле состава преступления. Было сделано заключение, что он оказался жертвой глубокой человеческой трагедии...

Главное очевидно: несмотря на решение И.В.Сталина не трогать невозвращенца, А.М.Орлов с момента своего разрыва с Москвой и до первого посещения его сотрудником советской внешней разведки жил в постоянном страхе...

Вторым исключительно тяжёлым для А.М.Орлова и его жены переживанием явилась смерть в июле 1940 года единственной дочери (Вероники-Э.И.)....

Знакомясь с документальным анализом дела А.М.Орлова. можно только удивляться выдержке и силе воли этого разведчика. Пройдя через ад переживаний, неизбежно возникающих у любого, кто решается порвать со своим прошлым, оказавшись в новой среде, которая оставалась, по сути, враждебной ему, он не только устоял перед невероятным давлением американских спецслужб. Александр Орлов не стал тем

высокопоставленным офицером-перевёртышем из рядов советской разведки, Предавшим её. как это пытались утверждать американцы...

Очевидно, он мог сожалеть, что судьба не позволила ему достойно свершить для родины всё, что он мог бы сделать, являясь неординарным, безусловно, талантливым разведчиком”. (Павлов В. Трагедии советской разведки/ В.Павлов//М., 2000. С.119-124)

Деятельность Орлова-Фельдбина во времена Октябрьской революции описана на основании архивных данных и свидетельств в книге Николая Ставрова “Великие” идеи XX века”.

А.М.Орлов упоминается в романе Эрнста Хемингуэя “По ком звонит колокол” под фамилией Варлов.

Встречу с Орловым в Испании описывает Кирилл Хенкин в своей книге “Охотник вверх ногами”.

Деятельность Орлова в Испании является одной из сюжетных линий в романе Максима Кантора “Учебник рисования”.

Эмануил Григорьевич ИОФФЕ, историк спецслужб, профессор БГПУ, доктор исторических наук 220005, г.Минск. пр.Независимости, д.39-90. Т.2-84-83-79.